Октет

Дэвид Фостер Уоллес

SHOUT
SHARE
IT

- Дэвид Фостер Уоллес
  -
  -
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
- comments
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23

Дэвид Фостер Уоллес
Октет

Octet by David Foster Wallace

ВИКТОРИНА 4

Два неизлечимых наркомана сидели у стены переулка, им нечем колоться, нет денег и некуда пойти или жить. Только один из них в куртке. Холодало, и зубы одного из неизлечимых наркоманов стучали, он потел, его лихорадило. Казался смертельно больным. От него ужасно несло. Он сидел у стены, опустив голову на колени. Это было в Кембридже, штат Массачусетс, в переулке позади Общественного Центра Переработки Алюминия на Массачусетс Авеню в ранний час 12 января 1993. Неизлечимый наркоман с курткой снял куртку и пододвинулся поближе к смертельно больному неизлечимому наркоману и накинул куртку, как мог, чтобы она накрыла их обоих, и потом придвинулся еще и прижался и приобнял его и тот обмяк у него на руке, и так они и просидели у стены все ночь.

?: Кто из них выжил.

Викторина 6

Два человека, X и Y, — близкие друзья, но потом Y делает нечто, что вредит, отдаляет и/или злит X. Они были очень близки. Семья X даже практически усыновила Y, когда тот прибыл в город один и не успел обзавестись ни семьей, ни друзьями, и получил работу в том же отделе той же фирмы, где работал X, и X с Y работали бок о бок и стали товарищами, и Y часто засиживался в доме X с семьей X чуть ли не каждый вечер после работы, и это продолжалось очень долго. Но потом Y нанес X некий вред, к примеру, написал в их фирме точную, но негативную Независимую Оценку X, или отказался прикрыть X, когда тот допустил серьезную ошибку и попал в беду и просил Y

солгать, чтобы прикрыться. Суть в том, что Y совершил некий достойный/честный поступок, который X видит как предательский и/или обидный, и X злится на Y, и теперь, когда Y, как обычно, приходит домой к X каждый вечер, X к нему чрезвычайно холоден, или ядовито ехиден, или иногда даже кричит на Y перед женой и детьми X. В ответ на что, однако, Y просто продолжает приходить в дом X и засиживаться и терпеть все нападки X, лишь как-то старательно кивая, но ничего не говоря и никоим образом не отвечая на враждебность X. В одном конкретном случае X даже кричит Y «убираться к чертям» из его дома и наносит то ли удар, то ли пощечину Y прямо на глазах у одного из детей так, что очки Y падают, и все, что Y делает в ответ — держится за щеку и как-то старательно кивает, подбирая очки и поправляя, как может, вывернувшийся заушник, и даже после такого продолжает приходить посидеть дома у X, как приемный член семьи, и терпеть все нападки за то, что бы там ни совершил Y. Почему Y это делает (т. е. продолжает приходить и сидеть дома у X) — неясно. Может быть, Y попросту бесхребетный, жалкий и ему некуда больше пойти посидеть. Или, может быть, Y один из тех тихих людей со стальным внутренним стержнем, которые достаточно сильны, чтобы не отвечать на обиды или унижения, и он видит (Y видит) за нынешней досадой X щедрого и верного друга, каким тот был когда-то для Y, и решил (Y, может быть, решил) что просто будет сидеть и держаться рядом и часто приходить и стоически позволять X выпустить всю злобу, которую тому надо выпустить, и, наконец, X перерастет прежние обиды, если Y не будет отвечать или мстить или каким-либо образом усугублять ситуацию. Другими словами, неясно, является ли Y жалким и бесхребетным или невероятно сильным, понимающим и мудрым. Только в одном конкретном случае, когда X даже вскакивает из-за стола перед всей семьей X и кричит Y «взять свою задницу и шляпу и валить к хренам из [его, т. е. X'а] дома и держаться подальше», Y наконец уходит из-за слов X, но даже после этого эпизода Y возвращается посидеть у X каждый вечер после работы. Может быть, Y просто сильно нравятся жена и дети X, и ради них стоит постоянно приходить и терпеть язвительность X. Может, Y каким-то образом одновременно и жалок, и силен… хотя и сложно согласовать жалкость или слабость Y с очевидной твердостью характера, необходимой для написания честной негативной Независимой Оценки или для отказа солгать или для чего бы то ни было, за что его не простил X. Плюс неясно, чем все это кончится — т. е. сработает ли пассивное упорство Y в том виде, что X наконец уймет свой гнев и «простит» Y, и они снова станут товарищами,

или Y больше не сможет терпеть враждебность и наконец перестанет приходить к X домой… или вся эта невероятно напряженная и неясная ситуация будет просто продолжаться неопределенное время. Пощечина была именно «то ли» потому, что X бил Y полуоткрытой рукой. Также существует фактор того, как открытое недружелюбие X и пассивная реакция Y повлияют на динамики в стенах семьи X, например, в ужасе ли семья и дети X от обращения X с Y или они согласны с X, что Y каким-то образом его кинул, и в основном симпатизируют X. Это повлияет на то, что они думают о Y, который продолжает приходить и сидеть у них дома каждый вечер, хотя X кристально ясно дал понять, что тот нежеланный гость — например, восхитятся ли они стоическим мужеством Y или найдут его пугающим и жалким и пожелают, чтобы до него наконец дошло и он прекратил притворяться уважаемым членом семьи, или что. На самом деле, выходит, что во всей этой мизансцене слишком много неопределенности, чтобы из нее получилась удачная Викторина.

Викторина 7

Женщина выходит замуж за мужчину из очень состоятельной семьи, у них рождается ребенок и они оба его любят, хотя со временем все больше и больше отдаляются друг от друга, пока, наконец, женщина не швыряет мужчине бумаги о разводе. И женщина, и мужчина хотят получить права на опеку, но женщина полагает, что в итоге их получит она, потому что по закону о разводе все обычно утрясается именно так. Но мужчина действительно жаждет первичную опеку. Либо потому, что у него сильный отцовский инстинкт и он правда хочет вырастить ребенка, либо потому, что просто хочет отомстить за развод и поставить под угрозу ее права на первичную опеку. Но это неважно, потому что очевидно, что вся состоятельная и могущественная семья мужчины по этому вопросу стоит за него стеной и считает, что именно он должен получить права на первичную опеку (возможно, потому, что они уверены, что раз он — их отпрыск, значит, может получить все, что хочет — это такая семья). В итоге семья мужчины приходит и заявляет женщине, что, если она выиграет права на первичную опеку у их отпрыска, они отомстят, отняв щедрый Денежный Фонд, который приготовили ребенку при рождении, Денежный Фонд, круглая сумма которого финансово обеспечит ребенка на всю жизнь. Нет опеки — Нет Денежного Фонда, говорят они. Тогда женщина (а

она, кстати, подписала брачный договор, по которому не получит никакого вознаграждения или алиментов вне зависимости от того, кому отойдут права на опеку) выходит из борьбы за права на опеку и дает мужчине и его отвратительной семейке взять ребенка под опеку, чтобы у того остался Денежный Фонд.

?: (A) Хорошая ли она мать.{1}

Викторина 6(A)

Попробуем еще раз. Тот же X, что и в B6. У пожилого отца жены X обнаружили неоперабельный рак мозга. Вся семья жены очень близка и связана, все живут в том же городе, что и X, его жена и тесть со своей женой, и с тех пор, как объявили диагноз, в семье началась подлинная вагнеровская опера тревоги, горя и скорби; и, как ближайшие по географии пострадавшие, семья и дети X также сошли с ума от горя из-за неоперабельного рака старика, потому что жена X всегда любила отца и дети обожали дедушку до безумия и он их совершенно избаловал и их привязанность целиком и полностью была взаимна; и теперь отец жены X постепенно теряет силы, страдает и умирает от рака мозга, и семьи X и его жены переживают так, будто он уже умер, и все невероятно разбиты, истеричны и печальны одновременно.

Сам X в щекотливой позиции относительно всей этой ситуации «тесть-с-неоперабельным-раком-мозга». У него с отцом жены никогда не было близких или дружественных отношений, и, на самом деле, старик однажды несколько лет назад даже убеждал жену X развестись с X во время непростого периода, когда их отношения ухудшились и X совершил несколько прискорбных ошибок и несколько проступков, о которых патологически любопытные и болтливые сестры жены X разболтали отцу и которые старик воспринял, как обычно, субъективно и с позиции святоши и во всеуслышание заявил, что считает поведение X отвратительным и целиком и полностью infra-dignitater[1], и настаивал на том, чтобы жена X бросила его (т. е. X), о чем X не забыл спустя годы, ни на секунду, потому что с того непростого периода и неописуемых осуждений старика X чувствовал себя чужеродно, косвенно и нон-грата относительно немаленькой сплетенной и сплоченной семьи жены X, семьи, которая к настоящему времени включает супругов и детей шести братьев и сестер жены и столько крысообразных пра-тетушек и — дядюшек и в разных степенях дальних кузенов, что каждое лето

даже приходилось снимать зал в гостинице для традиционных Семейных Встреч семьи его жены (прописные буквы — их), на коих ежегодных мероприятиях Х всегда чувствовал себя как-то чужеродно и под нескончаемым подозрением и осуждением и примерно так, как себя чувствует типичный аутсайдер.

Чувство отчуждения Х от семьи его жены сейчас тоже усилилось, поскольку эта огромная беспокойная стая, кажется, не может думать и говорить ни о чем, кроме рака мозга древнего сурового патриарха и мрачных вариантах терапии и неуклонно уменьшающихся и весьма хлипких шансах продержаться больше пары месяцев самый максимум, и кажется, что они говорят об этом без конца, но только друг с другом, и когда бы Х ни был с женой на этих траурных семейных советах, он всегда чувствует периферийность, бесполезность и неуловимую исключенность, как будто и так сплоченная семья жены сплотилась еще тесней во время кризиса, сильнее, как ему кажется, выталкивая Х на периферию. И встречи Х с самим тестем, когда бы Х ни сопровождал жену на ее бесконечных визитах в комнату-палату к старику в его (т. е. старика) роскошный дом в неоромантическом стиле на другом конце города (в котором чувствуешь себя как в другой экономической галактике) из своего достаточно скромного дома, особенно мучительны по всем вышеперечисленным причинам плюс факт, что отец жены Х — который, даже прикованный к особой дорогой передвижной больничной кровати, которую привезла его семья, и каждый раз, как приезжает Х, лежащий разбитый в этой особой высокотехнологичной кровати под присмотром пуэрториканской сестры из хосписа, несмотря ни на что всегда безукоризненно выбрит и ухожен и одет, его клубный галстук завязан двойным виндзорским, а стальные трифокалы выполированы, словно он готов в любой момент вскочить и велеть пуэрториканке нести его костюм от Синьора Пуччи и судейскую мантию и вернуться в 7-й Районный Налоговый Суд претворить в жизнь новые безжалостные и продуманные решения, одеяние и поведение, которое обезумевшая от горя семья считает еще одним знаком трогательного достоинства старого крепкого бойца и «dum spero joie de vivre»[2] и силы воли — что тесть всегда кажется подозрительно холодным и равнодушным по отношению к Х во время этих визитов долга, тогда как Х, в свою очередь, стоит, сконфуженный, позади жены, пока она со слезами на глазах склоняется над одром, как ложка или металлический стержень, что сгибаются взад и вперед ужасающей силой воли менталиста, и обычно чувствует сперва желание преодолеть отчуждение, но затем отвращение, негодование и наконец настоящее злорадство

к суровому старику, которого, сказать по правде, Х всегда втайне считал первосортным говнюком, а теперь осознает, что даже блеск трифокалов тестя мучителен, и не может его не ненавидеть; а тесть, в свою очередь, кажется, замечает скрытую невольную ненависть Х и в ответ ясно показывает, что не чувствует радости или ободрения или поддержки от присутствия Х и желает, чтобы Х вообще не было в комнате с миссис Х и лощеной сестрой из хосписа, желание, с которым Х про себя с горечью соглашается, хоть и прилагает все больше усилий, дабы осветить комнату более ободряющей и сочувствующей улыбкой, так что Х всегда чувствует себя в комнате старика с женой в смущении и отвращении и в ярости и всегда в итоге не понимает, что же он вообще там делает.

Х, однако, разумеется, всегда крайне стыдно за такие неприязнь и негодование в присутствии человеческого существа и законного родственника, которое неуклонно и неоперабельно угасает, и после каждого визита к поблескивающей постели старика по дороге домой с обезумевшей от горя женой Х втайне бичует себя и поражается, где же его порядочность и сострадание. Он находит еще более глубокий повод для стыда в факте, что даже после смертельного диагноза тестя он (т. е. Х) тратил столько времени и энергии, думая лишь о себе и собственном чувстве досады из-за исключения из Drang[3] семейного клана жены, когда, между прочим, отец жены страдает и умирает прямо у них на глазах, а любящая жена обессилела от переживаний и скорби, а чувствительные невинные детишки Х безмерно страдают. Х втайне волнуется, что очевидный эгоизм его внутреннего мира во время семейного кризиса, когда жена и дети явно нуждаются в сочувствии и поддержке, является симптомом какого-то ужасного дефекта в его человеческой натуре, какого-то жуткого слепого льда на месте сердечных узлов его эмпатии и альтруизма, и его все сильней мучают стыд и неуверенность в себе, и потом вдвойне стыдно и страшно из-за того, что стыд и неуверенность в себе слишком отвлекают его внимание и тем самым компрометируют способность по-настоящему заботиться и поддерживать жену и детей; и он держит тайные чувства отчуждения и неприязни и досады и стыда и непрерывного зуда из-за самого стыда только при себе, и даже не представляет, как можно пойти к обезумевшей от горя жене и еще больше обременить/ужаснуть ее своим мучительным pons asinorum[4], и ему настолько совестно и противно из-за того, что, как ему кажется, он обнаружил в сердце своей натуры, что в первые месяцы болезни тестя он необычно покорен, сдержан и необщителен, и никому не говорит о бушующих центробежных

бурях в душе.

Однако сопровождаемее агонией неоперабельное дегенеративное неопластическое умирание тестя все тянется и тянется — или потому, что это необычно медленная форма рака, или потому, что тесть действительно крепкий боец, который угрюмо цепляется за жизнь столько, сколько может, один из тех случаев, для которых, как считает про себя X, изначально и придумали эвтаназию, т. е. тот случай, когда пациент медленно умирает и угасает и ужасно страдает, но отказывается признать неизбежное и испустить уже гребаный дух и даже подумать о соразмерных страданиях, которые причиняет его дегенеративное отвратительное угасание тем, кто по каким-то непостижимым причинам его любит — и тайный конфликт X и разъедающий стыд, в конце концов, так его измочаливают и он становится так жалок на работе и кататоничен дома, что наконец-то отбрасывает гордость и идет к своему доверенному другу и коллеге Y и выкладывает тому всю ситуацию ab initio ad mala[5], доверяя Y весь ледяной эгоизм его (X-а) самых глубоких чувств во время семейного кризиса и расписывая в деталях живущий в нем стыд от антипатии, которую он чувствует, когда стоит позади кресла жены у полностью регулируемой стальной больничной кровати за $6500 гротескно истощенного и страдающего недержанием тестя, и язык старика выкатывается и лицо искажается от жутких сердечных спазмов и в уголках его (тестя) корчащегося в попытках заговорить рта всегда скапливается желтоватая пена и его{2} теперь неприлично большая и ассиметрично выпуклая голова ворочается на итальянской подушке плотностью в 300 нитей на кв. см., и затуманенные, но все еще стальные глаза старика за трифокалами блуждают мимо страдальческого лица миссис X и натыкаются на сердечное выражение симпатии и ободрения, которое X пытается нацепить для этих мучительных визитов еще в машине, и мгновенно отворачиваются в другую сторону — глаза тестя отворачиваются — всегда в сопровождении рваного брезгливого выдоха, словно считывая лживое лицемерие выражения X и распознавая под ним антипатию и эгоизм и снова ставя под сомнение решение дочери остаться с этим несущественным бухгалтером-негодяем; и X признался Y, что начал во время визитов к больничной кровати страдающего недержанием старого неописуемого говнюка болеть за опухоль, про себя поднимая тосты за ее здоровье и желая долгого роста метастазов, и начал тайно считать эти визиты ритуалами симпатии и ободрения злокачественной опухоли в варолиевом мосту старика, X начал, позволяя при этом несчастной жене думать, что X делит с ней заботу о старике… X уже выташнивает

последние капли внутреннего конфликта и отчуждения и самобичеваний предыдущих месяцев, и умоляет Y, пожалуйста, понять, как сложно X рассказывать живой душе о своем тайном стыде, и почувствовать налагаемые доверием X честь и обязательства и найти в душе силы отказаться от неописуемых осуждений X и Господи мать его боже никому не говорить о криорадости и тайных глубоких чувствах его зловредно эгоистичного сердца, которые, как боится X, выявились за последние адские испытания.

Произошла ли эта беседа-исповедь до того, как Y сделал то, что так разъярило X{3}, или эта беседа имела место быть уже позже и таким образом обозначила, что стоическая пассивность Y под потоком брани X сработала и их дружба восстановилась — или, может быть даже, сама эта беседа и породила каким-то образом ярость X из-за предположительного «предательства» Y, т. е. либо X позже взял себе в голову, что Y, быть может, слил миссис X какие-то подробности о тайном эгоцентризме мужа во время, возможно, пока что главного катастрофического эмоционального периода ее жизни — это все неясно, но это ничего, потому что сейчас это не критично, а критично, что X под действием боли и предельного изнурения наконец смог унизиться и обнажить свое омертвевшее сердце Y и спросить Y, как Y считает, что ему (X) следует делать, дабы решить внутренний конфликт и погасить тайный стыд и искренне простить умирающего тестя за то, что он был таким титаническим говнюком по жизни, позабыть прошлое и как-то проигнорировать самодовольные суждения и очевидную неприязнь старого сноба и собственные чувства X периферийной нон-гратазации и просто посидеть там и постараться ободрить старика и научиться сопереживать кишащей истерической толпе семьи жены и просто быть рядом и ободрять и стоять плечом к плечу с миссис X и маленькими X-иками во время кризиса и, наконец, для разнообразия по-настоящему думать о них, а не корчиться над своими тайными чувствами отчуждения и досады и viva cancrosum[6] и ненавистью к себе и зуда по этому поводу и обжигающего стыда.

Как должно быть ясно по неудавшейся B6, Y по натуре лаконичен и скромен настолько, что его нужно почти взять в полу-нельсон[7], чтобы выдавить нечто настолько беспредельно нахальное, как дружеский совет. Но X, наконец прибегнув к мыслительному эксперименту, по которому Y представляет себя на месте X и рассуждает вслух, как бы он (имеется в виду Y на месте X) поступил бы, столкнувшись со зловредным и мурашечно жутким pons asinorum, заставляет Y наконец изыскать, что,

наверное, лучшее, что он (т. е. Y на месте X и таким образом впоследствии сам X) мог бы сделать в данной ситуации — просто пассивно быть там, т. е. просто Показываться, что можно расширить до Быть Рядом — только в физических категориях, не иначе — на окраинах семейных советов и рядом с миссис X в комнате-палате ее отца. Другими словами, Y предложил в роли тайного искупления и дара старику сидеть там и тихо страдать от ненависти и лицемерия и эгоизма и замешательства, но не прекращать сопровождать жену или посещать старика или косвенно болтаться на семейных советах, другими словами, X должен редуцироваться до одних лишь физических действий и процессов, чтобы не вкладывать чувства и прекратить волноваться о своей натуре, и просто Показываться{4}… когда X возражает, что, Господи твою мать боже, именно это он и так уже делает, Y неопределенно хлопает его (т. е. X) по плечу и отваживается заметить, что X всегда казался ему (=Y) куда сильнее и мудрее и сострадательнее, чем он, X, желает себе признаться.

От всего этого X становится отчасти лучше — или потому, что рекомендация Y глубока и поднимает дух, или просто потому, что X наконец-то стало легче, когда он вытошнил свои злокачественные тайны, которые его проедали — и все пошло примерно так же, как раньше, включая медленное угасание одиозного тестя, скорбь жены X и бесконечные семейные спектакли и советы, и X по-прежнему, под натянутой сердечной улыбкой, чувствовал неприятие и смущение и зуд, но теперь старался относиться к этому септическому эмоциональному вихрю как к прочувствованному дару дорогой жене и — зажмурившись — тестю, и единственные значительные перемены в следующие полгода — что жена X с пустыми глазами и одна из ее сестер переходят на антидепрессант Paxill и что два племянника X арестованы за якобы сексуальное домогательство к умственно отсталой девочке в специальном отделении их средней школы.

И все идет своим чередом: периодические посещения X-м Y, чтобы поплакаться в симпатизирующую жилетку и изредка провести мысленные эксперименты, пассивные и чрезвычайно постоянные присутствие у одра патриарха и участие в семейных советах, на которых самые комичные пра-дяди из семьи жены X начинают отпускать шутки о развеивании праха — пока, наконец, однажды ранним утром, примерно год спустя после постановки диагноза, неоперабельный и разбитый и измученный и беспросветный старый тесть в конце концов испускает дух, покинув мир в могучих сотрясениях, как тарпон, которого лупят дубиной{5}, и вот он забальзамирован и нарумянен и одет (per

codicil[8]) в судейскую мантию и отпет на службе, во время которой носилки с гробом возвышаются надо всеми собравшимися, и на коей службе глаза бедной жены Х напоминают два огромных и свежих сигаретных ожога в акриловой простыне, и на коей службе Х рядом с ней — по мнению сперва подозрительных, но наконец тронутых и удивленных облаченных в черное членов семьи жены — рыдает дольше и громче всех, и его дистресс столь силен и искренен, что на пути из епископальной ризницы сама худосочная теща вручает платок Х и утешает того легким касанием левого предплечья, пока ей помогают влезть в лимузин, и позже тем днем Х персональным телефонным звонком от старшего и самого сурового сына тестя приглашен посетить, вместе с миссис Х, крайне частную и эксклюзивную Семейную Встречу внутреннего-круга-обездоленной-семьи в библиотеке роскошного дома усопшего судьи, особый жест, который сподвигает миссис Х на первые слезы радости с тех давних пор, как она подсела на Paxill.

Эксклюзивная Семейная Встреча — которая, оказывается, по вычислениям на глаз Х, включает меньше 38 % семьи его жены, а также снифтеры подогретого Реми Мартин и беззастенчиво изумрудные кубинские сигары для мужчин — подразумевает расстановку кожаных диванов и старомодных оттоманок и мягких кресел с подлокотниками и прочных трех-ступенечных библиотечных лесенок от Willis & Geiger в огромный круг, где самые внутренние и, видимо, самые близкие 37,5 % семьи жены Х удобно располагаются и по очереди кратко повествуют о своих воспоминаниях и чувствах к усопшему тестю и особых и уникальных личных отношениях с ним во время его долгой и экстраординарно выдающейся жизни. И Х — неловко сидящий на узенькой дубовой ступеньке рядом с креслом жены, четвертым с конца в очереди на речь, и уже приложившийся к пятом снифтеру, и чья сигара по какой-то таинственной причине постоянно тухнет, и страдающий от умеренно-тяжелых простатических приступов боли из-за горбылевой текстуры верхней ступеньки лесенки — находит, пока искренние и порою весьма трогательные анекдоты и панегирики описывают круг, что он представления не имеет, о чем сказать.

?: (А) Самоочевидный.

(Б) В течение года смертельной болезни отца миссис Х не подавала признаков того, что знает о внутреннем конфликте и само-септическом ужасе Х. Таким образом Х преуспел в сокрытии своего состояния, что и ставил своей целью. Х, следует знать, и в

прошлом в нескольких случаях скрывал тайны от миссис X. Однако часть его внутренней путаницы в проистечение всего этого периода premortem — как X признается Y уже после того, как старый урод наконец отдает концы — была в том, что впервые после свадьбы из-за незнания жены X некоего факта об X, о котором ему не хотелось, чтобы она узнала, X не почувствовал себя облегченно или безопасно или хорошо, но скорее наоборот — печально и отчужденно и одиноко и виновато. Главный вопрос: теперь X обнаруживает, что под соболезнующим выражением и заботливыми жестами он втайне зол на жену за ее незнание, которое сам культивировал всеми силами, и поддерживал. Оцените.

ВИКТОРИНА 9

Вы, к сожалению, писатель. Вы пробуете написать цикл очень коротких художественных текстов, текстов, которые, так получилось, не contes philosophiques[9] и не миниатюры и не зарисовки из жизни и не аллегории и не притчи, это точно, хотя также они не классифицируются как «рассказы» (даже не в плане микрократкой Малой прозы высокого стиля, ставшей в последние годы весьма популярной — хотя эти художественные тексты действительно короткие, они просто не работают, как должна работать Малая проза). Как именно должны работать тексты цикла — описать сложно. Скажем, они как-то должны сложиться в итоге в некий «допрос» читателя — т. е. пальпацию, щупальца в расщелинах его чувств чего-то, и т. д… хотя что это за «чего-то» — безумно трудно определить, даже вам самим во время работы над текстами (текстами, которые, кстати, занимают гротескно много времени, куда больше, чем должны бы vis à vis их длины и эстетического «веса» и т. д. — в конце концов, вы такой же человек, как все, и в вашем распоряжении не так много времени, и выделять его надо с умом, особенно когда дело касается карьеры (да: все дошло до того, что даже писатели беллетристики считают, что у них есть «карьера»)). Однако вы точно знаете, что эти кусочки нарратива — на самом деле именно «кусочки» и ничего больше, т. е. именно то, как они составят вместе большой цикл, критически важно для этого «чего-то», «чувство» которого вы хотите «допросить» и т. д.

И вот вы пишете восьмичастный цикл из маленьких шипогнездовых текстов{6}. И все оборачивается полным фиаско. Пять из восьми текстов вообще не работают — то есть не

допрашивают и не пальпируют, что должны, плюс слишком надуманные или слишком мультяшные или слишком раздражающие или все сразу — и приходится их выкинуть. Шестой текст сработает только после полной переделки, слишком длинной и чреватой отциклоотступлением и, как вы опасаетесь, он, возможно, настолько плотный и замкнутый на себя, что никто просто не доберется до допросной части; плюс затем в ужасающей Фазе Финальной Проверки вы осознаете, что переработка 6-го текста так сильно основывается на его первой версии, что придется вставить и эту первую версию в октоцикл, хотя она (т. е. первая версия 6-го текста) попросту разваливается после 75 % пути. Вы решаете спасти эстетическую катастрофу первой версии шестого текста, на самом виду обозначив в ней, что она разваливается и не работает как «Викторина», и начав переработку 6-го текста со сжатого бесцеремонного заявления, что это новая «попытка» пальпировать то, что вы собирались допросно пальпировать еще в первой версии. Такие интранарративные заявления имеют дополнительное преимущество в легком разжижении претенциозности структуры маленьких текстов в форме «Викторин», но также и недостатки в виде заигрывания с само-отсылками метапрозы — имеется в виду вставка в сам текст конструктов «Викторина не работает» и «Вот еще вариант № 6» — что в конце 1990-х, когда даже Уэс Крейвен зарабатывает на само-отсылках метапрозы, может показаться глупым и вымученным и поверхностным, а также ставит под риск сомнительную безотлагательность того, что, по-вашему, тексты должны допросить в читателе. Эту безотлагательность вы, как писатель, чувствуете очень… ну, безотлагательной, и хотите, чтобы читатель тоже это прочувствовал — и, разумеется, вы всеми силами не хотите допустить, чтобы читатель закончил цикл с мыслью, будто это лишь формальное упражнение с вопросительными структурами и стандартными метатекстами{7}.

Все это приводит к серьезной (и ужасно затратной по времени) головоломке. Теперь у вас на руках не только лишь половина октета, который вы изначально задумали — к тому же, если честно, шаткая и неидеальная половина{8} — но также проблема безотлагательного и обязательного способа соединить части в единое октоплицированное целое, как вы рисовали себе в воображении изначально, целое, которое будет мягко допрашивать читателя по поводу изменчивой, но все же единой проблемы, что очевидные и, честно сказать, нетонкие «?» в конце каждой викторины — словно вопросы сами собой сошлись в органическом контексте большего целого — и будут пальпировать. Это странная недвусмысленная безотлагательность

может показаться бессмысленной, но для вас она имеет смысл и кажется… ну, опять же, безотлагательной и стоящей риска первого впечатления пустого формального упражненчества или псевдо-мета-художественного трюкачества в нетрадиционной Викториновой по стилю структуре текстов. Вы делали ставку на то, что странная первостепеннейшая безотлагательность органически единого целого октетского дважды дважды два текстов (которые вы себе представляли как манихейскую дуальность, возведенную до триединой мощи своего рода гегельянского синтеза относительно вопросов, которые и персонажи, и читатели должны «решить») смягчит начальную видимость постумной мета-формальной фигни и в конце концов (надеетесь вы) поставит под вопрос начальное желание читателя отделаться от текстов как от «пустых формальных упражнений» только на основе схожих формальных черт, заставив читателя увидеть, что подобное отделывание будет основано на таких же формальных представлениях, в которых он (как минимум первоначально) собирался обвинить октет.

Да только — и вот она, головоломка — хоть вы и выкинули и переписали и перевставили{9} тексты ныне квартета почти из одной лишь заботы об органическом единстве и его коммуникативной безотлагательности, вы теперь совсем не уверены, что у кого-нибудь возникнет хотя бы отдаленнейшее представление, как четыре текста октета{10} «сошлись сами» или «имеют что-то общее», т. е. как они составляют bona fide[10] единый «цикл», чья безотлагательность транслирует сумму безотлагательностей отдельных составляющих его частей. Таким образом, вы попадаете в неудачную позицию, где пытаетесь «объективно» прочесть полуквартет и понять, будет ли странная обтекаемая безотлагательность, которую вы чувствуете в и между выжившими текстами, чувствибельной или хотя бы различимой для кого-то еще, а именно для полного незнакомца, который, вероятно, сидит после долгого трудового дня и пытается расслабиться с этим художественным «Октетом»{11}. И, как писатель, вы знаете, что загнали себя в чрезвычайно неудобный угол. Существуют правильные и плодотворные способы «сопереживать» с читателем, но в их число не входит представлять читателем себя; на самом деле это даже угрожающе близко к пугающей ловушке предугадывания, «понравится» ли читателю то, над чем вы работаете, а и вы, и пара других ваших знакомых писателей знаете, что нет скорейшего способа измучиться и убить всякую человечность в том, над чем вы работаете, чем просчитывать наперед, будет ли это кому-то «нравиться». Смерти подобно. Лучшей аналогией будет:

Представьте, что пришли на вечеринку, где мало кого знаете, а потом, возвращаясь домой, вдруг осознаете, что всю вечеринку вы так тревожились, нравитесь вы или не нравитесь гостям, что просто понятия не имеете, понравились ли вам они. Всякий переживший такое знает, что на вечеринку с подобным настроением приходить совершенно смерти подобно. (Плюс, конечно же, почти всегда выясняется, что вы сами не понравились гостям на вечеринке, по той простой причине, что казались таким зацикленным на себе и озабоченным собой, что у них возникло неприятное подсознательное ощущение, будто вы использовали вечеринку лишь как некую сцену для выступления и едва ли их заметили, и что скорее всего вы ушли без понятия, понравились они вам или нет, от чего им обидно и вы перестаете им нравиться (они, в конце концов, всего лишь люди, и у них тоже, как и у вас, есть сомнения, нравятся они или нет).)

Но после требуемого количества потраченных времени, нервов, страхов, прокрастинации и Клинексо-обмахивания и локте-кусания вас вдруг осеняет: возможно, что допросная/«диалогическая» формальная структура полуоктета — та самая структура, что сперва казалась столь безотлагательной, ведь являлась способом заигрывать с потенциальным впечатлением метапрозовой фигни по причинам, которые (надеетесь вы) окажутся глубокими и куда более безотлагательными, чем устаревшее вымученное «Эй-смотрите-как-я-смотрю-как-вы-смотрите-на-меня» из устаревшей вымученной стандартной метапрозы, но потом завлекает вас в паутину головоломки, требуя выкинуть Викторины, которые не работают или были слишком стандартными и умалчивающими вместо безотлагательной искренности, и вынуждает переписать B6 угрожающе «мета»-способом, и оставляет вас с аблированным[11] и грубо сколоченным полу-октетом, чья изначальная обтекаемая, но недвусмысленная безотлагательность, по-вашему, после монтажа и переработок и общей возни вряд ли до кого-то дойдет, загоняя вас в смерти подобный художественный угол предугадывания работы сердца и разума читателя — как раз именно эта потенциально опасная авангардисткая эвристическая форма может сама предоставить выход из безвоздушной головоломки, шанс спастись от потенциального фиаско из-за того, что 2+(2(1)) текстов сложатся во что-то безотлагательное и человеческое, а читатель этого вовсе не почувствует. Потому что вдруг оказывается, что вы сами можете просто спросить. Читателя. Что можно самому сунуться в дыру в текстовых стенах, которую и так уже проделали «6-й не работает как Викторина» и «Попробуем еще разок» и т. д., и

обратиться напрямую к читателю и спросить без обиняков, чувствует ли он то же, что и вы.

Вся штука этого решения в том, что надо быть на 100 % честным. То есть не просто искренним, а практически голым. Хуже, чем голым — скорее безоружным. Беззащитным. «То, что я чувствую, кажется очень важным, хоть я не могу это описать — ты тоже это чувствуешь?» — это вопрос не для разборчивых. Как минимум потому, что это угрожающе близко к «Я тебе нравлюсь? Пожалуйста, полюби меня», вокруг чего, как вы отлично знаете, без конца строится 99 % межчеловеческих манипуляций и трюкачеств, потому что идея сказать подобное без обиняков считается даже непристойной. По сути, одно из наших последних немногих межличностных табу — это непристойный обнаженный прямой допрос кого-то другого. Это кажется жалким и отчаянным. Так покажется и читателю. И так и будет. Без вариантов. Если выйти вперед и прямо спросить, что и как он чувствует, не останется места для умолчаний или перфомативности или притворной-честности-за-которую-ты-ему-понравишься. Всему тут же конец. Видите? Стоит отступить от полной обнаженной беспомощной жалкой искренности — и вы вновь у гибельной головоломки. Нужно обратиться к нему на 100 % с открытой душой.

Другими словами, вы можете построить дополнительную Викторину — уже девятую, но не в духе только пятой или даже на четвертой, а может, ни одной из них, потому что она будет не Викториной, а скорее (ох) метаВикториной — в которой вы пытаетесь обнаженно описать головоломку и потенциальное фиаско полу-октета и ваши собственные ощущения, что полурабочие тексты должны продемонстрировать{12} некую странную обтекаемую схожесть в различных человеческих взаимоотношениях{13}, некую безымянную, но неотвратимую «цену», которую приходится рано или поздно платить всем человеческим существам, если они хотят истинно «быть с»{14} другим человеком, а не просто как-то использовать его (например, использовать его как публику, или как инструмент для собственных эгоистичных целей, или как какой-то тренажер моральной гимнастики, на котором можно продемонстрировать свой добродетельный характер (как можно наблюдать на примере людей, которые щедры к другим потому, что хотят казаться щедрыми, и потому даже втайне рады, когда окружающие нищают или попадают в беду, ведь это значит, что они могут немедля проявить щедрость и изобразить доброжелателя — все таких видели), или как нарциссически катектированную[12] проекцию себя, и т. п.){15}, странную и безымянную, но, кажется,

неизбежную «цену», которая иногда даже равна самой смерти, или как минимум означает, что вам нужно что-то отдать (либо вещь, либо человека, либо ценное долго сдерживаемое «чувство»{16} какого-то определенного представления о себе и о вашей добродетели/достоинстве/личности), что-то, потеря чего в истинном и безотлагательном смысле похожа на смерть, и важность сказать, что в таких разных ситуациях и мизансценах и загадках может быть (как вы чувствуете) такая ошеломляющая и элементарная схожесть — вот именно, все эти на вид разные и формальные (признайте), даже ходульные и умалчивающие «Викторины» могут быть в итоге редуцированы до одного вопроса (каким бы он ни был) — кажется вам безотлагательной, истинно безотлагательной, почти что стоящим того, чтобы влезть на крышу и кричать всему миру{17}.

То есть, повторимся, вы — к сожалению, писатель, — должны проколоть четвертую стену{18} и выйти на сцену обнаженным и сказать все это в лицо человеку, который вас не знает или в некоторых случаях даже так или иначе плевать на вас хотел, и который просто хотел вернуться домой, спокойно лечь после долгого дня и расслабиться одним из немногих оставшихся безопасных и безобидных способов, подходящих для расслабления{19}. И тут вы спрашиваете читателя в лицо, чувствует ли он эту непонятную безымянную обтекаемую безотлагательную межчеловеческую схожесть. То есть придется спросить, согласен он, что весь этот потрепанный грубо сколоченный эвристический полу-октет «работает» как органически единое художественное целое, или нет. Прямо во время чтения. И снова: обдумайте все тщательно. Не применяйте эту тактику, пока трезво не осознаете, чего она может стоить. Что он о вас подумает. Потому что если вы решитесь и сделаете это (т. е. спросите прямо в лицо), то «допросная» фишка больше не будет безобидным формальным художественным приемом. Она станет реальной. Вы потревожите его, примерно так же, как адвокат, который звонит по телефону и тревожит именно тогда, когда вы расслабляетесь за прекрасным ужином{20}. И обдумайте конкретные вопросы, с которыми будете его тревожить: «работает или нет, нравится или нет» и т. п. Обдумайте, что он о вас подумает, когда вы их зададите. Вы (т. е. писатель художественных мизансцен) вполне можете предстать человеком, который не просто приходит на вечеринку, одержимый тем, понравится ли он или нет, но еще и обходит всех гостей, подходит к незнакомцам и спрашивает, нравится он им или нет. Что они о нем подумают, какое он окажет влияние, совпадет ли вообще их мнение со сложным пульсом его собственного

представления о себе, и т. п. Подходить к невинным людям, которые хотели лишь зайти на вечеринку и немного расслабиться и, быть может, встретиться с новыми людьми в абсолютно сдержанной и неугрожающей среде, и входить в их визуальное поле и нарушить все основные негласные правила вечеринок и этикет первого-контакта-незнакомцев и явно допросить именно о том, что вам кажется зацикленным на вас и эгоистичным{21}. Представьте на миг лица гостей вечеринки. Представьте их выражения в деталях, в 3D и живых цветах, а потом представьте, что эти выражения направлены на вас. Потому что вот это и есть риск, возможная цена тактики честности — и держите в уме, что все это может не окупиться: совсем не ясно, удалось ли предшествующему квартету маленьких шипо-гнездовых quart d'heures[13] «допросить» или передать «схожесть» или «безотлагательность», ибо почтифинальный выход обнаженным и попытка прямого допроса должны вызвать некое откровение о безотлагательной схожести, которая как-то срезонирует с текстами цикла и представит их в ином свете. Может оказаться и так, что вы просто покажетесь замкнутым и зацикленным на себе придурком, или очередным манипулятивным псевдо-ПМ Творцом Херни, который пытается спастись от фиаско, вставив мета-измерение и прокомментировав само фиаско{22}. Даже при самой благосклонной трактовке вы покажетесь отчаявшимся. Возможно, жалким. В любом случае вы не покажетесь мудрым, не окажетесь в безопасности и не добьетесь ничего, что, как сами читатели уверены, что им кажется, должен добиваться писатель, который написал то, что они читают, когда пытаются сбежать из неразрешимого потока себя и войти в мир заранее подготовленного мнения. Скорее вы будете выглядеть принципиально потерявшимся и запутавшимся и перепуганным и неуверенным, доверять ли своим принципиальнейшим догадкам о безотлагательности и схожести и испытывают ли другие глубоко внутри то же, что и вы… другими словами, скорее читатель, что дрожит вместе с нами в окопной грязи, нежели Писатель, коего мы представляем{23} чистым и сухим и излучающим властное присутствие и неколебимую убежденность, координируя всю кампанию из некоей сияющей абстрактной Штаб-квартиры на Олимпе.

Так решайте.

notes

Примечания

1

Недостойный (лат.)

2

Жизнелюбие (фр.)

3

Здесь: порыв (нем.)

4

Камень преткновения (лат.)

5

Прим. пер. Смесь двух латинских высказываний: «от начала мира до конца» и «от яйца до яблок», то есть «от начала до конца».

6

Слава раку (лат.)

7

Удушающий прием в борьбе.

8

Согласно завещанию (лат.)

9

Философские сказки (фр.)

10

Добросовестный (лат.)

11

Прим. пер. Унос вещества с поверхности твёрдого тела под воздействием излучений.

12

Прим. пер. Психологический термин, букв. — захват, оккупация; сцепленность энергии (либидо) бессознательного (Ид) с объектом (образом объекта).

13

Пятнадцатиминутки, в переносном смысле — короткий опыт (фр.)

comments

Комментарии

1

(Б) (опционально) Объясните, как на ваш ответ на (А) повлияет дополнительная информация о том, что сама женщина выросла в невероятно отчаянной нищете.

2

(т. е. тестя)

3

См. выше неудавшуюся B6.

4

(От того, как Y говорит нечто типа «Показывайся» и «Будь там», X почему-то представляет эти клише с большой буквы, в отличие от того, как слышит речи жены о невыносимых ежегодных «Семейных Встречах» в конференц-зале отеля «Рамада»).

5

(Согласно словам одного из шуринов Х, младшего партнера Большой Шестерки, который ценил старика не больше, чем Х, но был у больничной кровати вместе со своей просеротониненой женой)

6

(С самого начала вы представляли серию именно как октет или октоцикл, хоть и ирландской удачи вам в объяснении, почему)

7

(Хотя все немного сложней, потому что отчасти вы хотите, чтобы Викторины сломали текстуальную четвертую стену и как бы обратились к читателю (или «допросили его») напрямую, каковое желание как-то связано с желанием применить старый «мета»-прием и в каком-то смысле ***проколоть (ПРОБИТЬ! — пишу в скобках, потому что ворд не хочет примечание делать в примечаниях)*** четвертую стену реалистического притворства, хотя кажется, что последнее — это не проколоть какую-либо реальную стену, а скорее проколоть вуаль обезличенности или стертости на самом писателе, т. е. сейчас при ныне устаревшей стандартной «мета»-фишке больше кажется, что сам драматург выходит на сцену из-за кулис и напоминает вам, что все происходящее — искусственно, и что искусственник — он сам (драматург), но и что он хотя бы уважает вас как читателя/аудиторию, чтобы честно признаться, кто позади дергает за ниточки, «честность», которую лично вы всегда считали риторической ложной честностью, предназначенной, чтобы вы полюбили и одобрили его (т. е. «мета»-автора) и почувствовали себя польщенными, что он, оказывается, уверен, что вы достаточно взрослый человек и выдержите напоминания о том, что вы посреди искусственной среды (будто вы этого и так не знали, будто вам нужно это раз за разом напоминать, будто вы дитя с миопией, которое не видит, что творится перед глазами), что больше напоминает о реальном типе людей, которые хотят понравиться с помощью манипуляций, раздувая шумиху вокруг того, какие они все время открытые и честные и неманипулирующие, тип, который раздражает куда больше, чем люди, которые манипулируют с помощью беззастенчивой лжи, ведь последние не восхваляют себя все время именно за то, за что себя обычно само-восхваляют, то есть не допрашивают вас или не каким-либо образом взаимодействуют или хотя бы просто разговаривают, а скорее только замкнуто и манипулятивно выступают* перед вами.

Объяснения довольно невнятные и лучше их вырезать. Возможно, вообще нельзя прямо говорить об этом противостоянии реальной-нарративной-честности-версус-ложной-нарративной-честности.

* [Здесь бы Кундера сказал «танцуют», и вообще-то он идеальный пример беллетриста, чья межстенная честность одновременно и формально безупречна, и полностью корыстна: классический постмодернистский ритор.]

8

Заметим — в духе 100 % откровенности — что вовсе не какие-то олимпийские эстетические стандарты вынудили выкинуть 63 % изначального октета. Пять нерабочих текстов попросту не работали. Один, например, описывал гениального психофармаколога, который запатентовал невероятно эффективный пост-Прозактический и — Золофтический антидепрессант, настолько действенный, что совершенно стер с лица Земли дисфорию/ангедонию/агорафобию/обсессивно-компульсивные расстройства/экзистенциальное отчаяние у пациентов и заменил их эмоциональные неспособности приобщиться к окружающему миру раздутым ощущением уверенности в себе и joie de vivre, беспредельной способностью к живым межличностным отношениям и почти мистической убежденностью в их синекдохическом союзе со Вселенной и всем в ней, как и ошеломляющей и кипучей благодарностью за вышеперечисленные чувства; плюс новый антидепрессант не имеет абсолютно никаких побочных эффектов или противопоказаний или опасных несовместимостей с любыми другими фармацевтическими препаратами и практически пролетает через слушания Министерства здравоохранения; плюс лекарство настолько просто и дешево в синтезе и изготовлении, что психофармаколог создавал его в собственной маленькой домашней лаборатории в подвале и продавал с пересылкой по почте лицензированным профессионалам в сфере психиатрии, минуя хищнические наценки крупных фармацевтических компаний; и антидепрессант означал буквально новую жизнь для бессчетных тысяч американцев-циклотимиков, многие из которых были самыми эндогенными и упрямо несчастными пациентами своих психиатров, а теперь они позитивно бурлили joie de vivre и продуктивной энергией и теплой скромной радостью от своей славной доли и нашли домашний адрес гениального психофармаколога (т. е. некоторые из пациентов нашли, что оказалось довольно просто, учитывая, что психофармаколог рассылал лекарство прямой почтовой рассылкой и всякий мог увидеть обратный адрес на дешевых пухлых контейнерах), и начали появляться сперва по одному, затем небольшими группками, а через некоторое время во все больших и больших количествах у скромного частного домика психофармаколога, желая просто взглянуть великому человеку в глаза и пожать ему руку и поблагодарить от самого духовно спасенного сердца; и толпы благодарных пациентов у дома психофармаколога

становятся неуклонно крупнее и крупнее, и некоторые из наиболее детерминированных на благодарность людей установили палатки и трейлеры, канализационные шланги которых отвели во внешний сток у бордюра, и дверной звонок и телефон психофармаколога разрываются от звона, соседские дворы вытоптаны и заставлены машинами и нарушены бессчетные дюжины муниципальных постановлений по охране здоровья; и психофармакологу приходится заказать по телефону и повесить на окнах на фасаде специальные экстра-непрозрачные шторы и никогда их не раскрывать, потому что когда бы толпа снаружи не уловила хоть намек на движение в доме, поднимаются полные энтузиазма возгласы благодарности и похвалы от концентрированных тысяч, и толпа почти что угрожающе рвется к крыльцу и звонку скромного домика каждый раз, как являются новые пациенты, en masse ошеломленные искренним желанием просто пожать руку психофармаколога двумя своими и сказать, какой он великий и гениальный и самоотверженный святой, и если они могут сделать что угодно, чтобы хотя бы частично отплатить ему за то, что он сотворил для них, их семей и человечества в целом, то ему достаточно сказать лишь слово и они это сделают; и так, разумеется, психофармаколог оказывается пленником в собственном доме, специальные шторы задернуты, трубка снята с телефона, дверной звонок отключен, а в ушах постоянно беруши из монтажной пены, дабы заглушить толпошум, без возможности покинуть дом и уже на рационе из последних неаппетитных консервов из самого дальнего угла кладовой и все ближе и ближе либо к тому, чтобы перерезать лучевые артерии, либо к тому, чтобы влезть с мегафоном по трубе на крышу и сказать безумно кипучей и благодарной толпе новоприбывших граждан пойти на хрен и оставить его нахрен в покое ради гребаного Господа Бога он больше так не может… и затем, верные формату Викторины цикла, возникают достаточно предсказуемые вопросы о том, заслужил ли и за что психофармаколог случившееся, и правда или нет, что любая заметная перемена в абсолютном соотношении радости/страдания всегда должна соответственно компенсироваться равно радикальной переменой в другой части уравнения, и т. п.… и все это слишком затянуто и одновременно слишком очевидно и слишком смутно (например, на вторую часть части «?» Викторины тратиться пять строчек, в которых приводится возможная аналогия между мировым соотношением радости/страданий и уравнением современного бухгалтерского учета «А = О + К»*, как будто возможно, что больше чем одному человеку из тысячи не насрать), плюс вся мизансцена слишком

мультяшна, как будто старается быть всего лишь гротескно смешной, а не одновременно гротескно смешной и гротескно серьезной, так что любая реальная человеческая безотлагательность в сценарии Викторины и пальпациях размыта тем, что текст кажется скорее циничной, «смейся-до-смерти» коммерческой комедией, которая и так уже высосала немало безотлагательности из современной жизни, дефект, который иронично практически противоположен тому, что послужило причиной удаления другого из восьми изначальных маленьких текстов, Викторины, которая повествует о группе иммигрантов начала 20-го века из экзотического района В. Европы, что высаживаются и регистрируются на острове Эллис, и после сдачи анализов на туберкулез неудачно попадают к одному конкретному Чиновнику Пункта Приема на Острове Эллис, который ура-патриотичен, жесток и на новых документах трансформирует экзотические иностранные фамилии каждого иммигранта в любое омерзительное нелепое недостойное англоязычное слово, которое они отдаленно напоминают: Павел Дерьмолиз, Милорад Многотрах, Дьердап Сопелль, несомненно, вы уловили мысль — и, разумеется, незнание иммигрантами языка новой страны не дает им опротестовать или хотя бы заметить это, но что, разумеется, станет и останется их бонусным адским источником насмешек, стыда и дискриминации жизни в США, а также источником грызущей В.-Европейским вендеттоподобной обиды, которая проживет в них до самого дома престарелых в Бруклине, штат Нью-Йорк, где в старости окажется значительное количество номологически оскорбленных иммигрантов; и вот однажды в доме престарелых внезапно появляется поблекшее, но до жути знакомое лицо, его владельца регистрируют, утверждают и вкатывают вместе с переносным кислородным баллоном в гостиную с телевизором престарелых иммигрантов, и первым остроглазый старый Эфрозин Уменямелкийчлен, а постепенно и остальные внезапно узнают в новоприбывшем ослабевшую дряхлеющую оболочку когда-то зловредного ЧПП Острова Эллис, который ныне парализован и нем и эмфизематичен и совершенно беспомощен; и группа из дюжины или около того жертв-иммигрантов, живших каждый день последних пяти десятилетий в насмешках, унижении и обиде, должны решить, используют ли они этот идеальный шанс по претворению мести в жизнь, и вследствие того начинается долгий спор, оправдано ли решение перерезать O2-шланг старого паралитика, и случайность ли это или благосклонный В.-Европейский Бог устроил так, что именно в этот дом престарелых вкатили жестокого старого бывшего ЧПП versus не превратит ли

их месть за нелепые имена в виде пыток/убийства недееспособного пожилого человека в живые олицетворения самого унижения и омерзения, с которыми коннотируют их английские имена, т. е. отомстив за свои имена они, в конце концов, действительно их заслужат… все это на самом деле (на ваш взгляд) вроде круто, и в сюжете и дебатах есть следы странной своеобразной гротескной/искупительной безотлагательности, которую должен передавать октет; но проблема в том, что те же самые духовные/моральные/человеческие вопросы в части «?» этого текста ((А), (Б) и так далее и тому подобное), что должны допрашивать читателя, уже вплетены в огромную по длине, но нарративно необходимую кульминационную сцену спора в стиле двенадцать-разгневанных-иммигрантов, таким образом делая пост-сюжетный «?» не более, чем референдумом в стиле «да/нет»; плюс также выясняется, что этот текст не подходит к другим, более «рабочим», текстам октета, чтобы сформировать складчатое-но-безотлагательно-единое целое, которое и превратит цикл в произведение искусства, а не только в модное подмигивающее-подкалывающее псевдо-авангардное упражнение; и так, с одной стороны у вас безотлагательность и важность, но с другой — проблема «имен» и того, что имена «подходят», а не просто означают или предполагают, и в итоге вы, закусив губу, выкидываете текст из октета… что, вероятно, значит, что у вас, похоже, все же есть стандарты, может, не олимпийские, но все же стандарты и убеждения, что, в какое бы сожравшее время фиаско не превратился бы октет, являет собой источник хоть какого-то душевного комфорта.

*(активы = обязательства + капитал)

9

(или скорее «дуэт-плюс-дуальная-попытка-третьего», какой бы квантор на латинском сюда не подошел)

10

(или называйте, как хотите)

11

(Вы все еще собираетесь назвать цикл «Октетом». И неважно, есть в этом смысл или нет. Здесь вы непримиримы. Является ли эта непримиримость какой-то целостностью или просто идеей-фикс — тема, на которую вы не собираетесь тратить рабочее время, чтобы париться. Вы уже решили попытать судьбу с названием «Октет» — значит, будет «Октет»).

12

(Наверное, это не то слово — слишком педантично; вам больше понравится слова «передать» или «пробудить» или даже «иллюстрировать» («пальпировать» уже задергано, и возможно, что странное психодуховное зондирование, к которому вы отсылались этой медицинской аналогией, никому не придет в голову, что, может, косвенно ОК, ведь читатель вполне может пропускать отдельные слова или не слишком заморачиваться над ними, но нет смысла испытывать удачу и долбить «пальпацией» снова и снова). Если «иллюстрировать» не покажется в итоге сверхпретенциозным, то я бы остановился на «иллюстрировать»).

13

(Но знайте, что в современном лексиконе этот термин, «отношения», стал почти тошнотворным, услащенным людьми, которые используют «родительствовать» как глагол и употребляют «делиться» в смысле поговорить, для читателя конца 1990-х будут сочиться всевозможными приторными ПК- и Нью-эйдж-ассоциациями; но если, чтобы спастись от фиаско, вы решите применить псевдометаВикторинную тактику и обнаженную честность, которую она за собой влечет, придется скрепить сердце и использовать его, жуткий термин категории «R», и будь что будет).

14

(Там же: глагол «быть», как во фразе «Я буду там для тебя», тоже стал своеобразным пустым сахарным шибболетом, который не сообщает ни о чем, кроме нерефлективной глупости говорящего. Не будьте наивными, когда станете представлять, чего может стоить тактика 100 %-честного-обнаженного-допроса-читателя, если вы ее изберете. Придется испить чашу до дна и действительно использовать термины типа «быть с» и «отношения», и использовать искренне — т. е. без интонационных кавычек или иронических скидок или любых подмигиваний и подталкиваний локтем — если хотите быть истинно честными в псевдометаВикторине, а не только иронически дергать туда-сюда несчастного читателя (и ведь он поймет, что именно вы делаете; даже если не сможет объяснить — поймет, что вы только пытаетесь спасти свою писательскую задницу манипуляциями — можете мне поверить).).

15

Можете, если хотите, потратить пару строчек, чтобы предложить читателю поразмышлять, не странно ли, что есть буквально миллиарды способов «использовать» других, нежели чем искренне «быть с» ними. Все зависит от того, сколь длинной и/или вовлекающей, по-вашему, должна быть B9. Сам я склоняюсь к тому, что не очень (больше, скорее, из тревоги, что текст покажется благочестивым или очевидным или скучным, нежели из безучастного интереса к краткости или концентрации), но, может, вам лучше отмерить по ходу дела, на глазок.

16

См. так же сноски 25 и 26 относительно чувства/чувств — слушайте, никто не говорит, что все будет легко или безболезненно. Это же отчаянная и последняя операция по спасению. Она не нерискованна. Использование слов вроде «отношения» и «чувство» могут запросто ухудшить положение дел. Гарантий нет. Я могу лишь честно и открыто описать некоторые наиболее ужасные цены и риски и призвать вас внимательно их рассмотреть прежде, чем решать. Честно не знаю, чем еще помочь.

17

Да: вы покажетесь благочестивым и мелодраматичным. Терпеть.

(среди прочего, что вам необходимо проколоть)

19

Да: дело дошло до того, что художественная литература ныне считается безопасной и безобидной (первый предикат влечет или включает второй предикат, если вдуматься), но на вашем месте я бы остался в стороне от культурной политики.

20

(… Только, на самом деле, еще хуже, ведь в этом случае вы скорее покупаете навороченный дорогой ужин на вынос в ресторане и приносите домой, и только садитесь им насладиться, как звонит телефон, и это звонит и беспокоит вас посреди попытки съесть ужин шеф-повар или ресторатор или у кого вы там заказывали еду, чтобы спросить, как вам ужин, наслаждаетесь вы или нет, и работает ли он как «ужин». Представьте, что вы подумаете о таком рестораторе).

21

(…и, конечно, очень возможно, что это вопрос, которым они тоже озабочены — относительно себя и нравятся ли они другим на вечеринке — и вот почему запрет на такой вопрос впрямую или действия с целью погрузить взаимодействие на вечеринке в подобный вихрь межличностной тревоги является негласной аксиомой этикета вечеринок: потому что как только хоть одна беседа вечеринки достигнет этого безотлагательного незакамуфлированного уровня «скажи-свои-затаенные-мысли», ее метастазы тут же распространятся повсюду, и довольно скоро все на вечеринке будут говорить не о чем ином, как о своих надеждах и страхах по поводу того, что о них думают другие на вечеринке, а это означает, что все определяющие черты внешних личностей разных людей будут стерты и все на вечеринке окажутся более-менее одинаковыми, и вечеринка достигнет своеобразного энтропического гомеостаза обнаженной самозацикленной одинаковости, и станет невообразимо скучно*, плюс еще парадоксальный факт, что отличительные яркие внешние различия между людьми, на которых люди и базируют свое «нравится-не нравится», испарятся, и таким образом вопрос «Я тебе нравлюсь» перестанет иметь сколько-либо содержательный ответ, и вся вечеринка пройдет под рядом странных логических или метафизических имплозий, и никто из гостей вечеринки больше никогда не сможет содержательно функционировать во внешнем мире.**

*[Интересно заметить, что это близко соответствует идее о Рае большинства атеистов, что в свою очередь помогает объяснить относительную популярность атеизма**].

**[На вашем месте я бы оставил это в подтексте].

22

Иногда эту тактику на писательских конвентах и всём таком зовут «Карсонством» или «Маневром Карсона» в честь того, что бывший ведущий Tonight Show Джонни Карсон спасал дурацкую шутку, цепляя омертвелое выражения понимания, которое как бы метакомментировало дурость шутки и показывало зрителям, что он отлично знал, какая она дурацкая — стратегия, которая год за годом и десятилетие за десятилетием вызывала даже все больший и больший радостный смех зрителей, чем могла бы вызвать хорошая изначальная шутка… И тот факт, что Карсон применял этот Маневр в коммерческом LCD-энтертейнменте еще в конце 1960-х, показывает, что это не особенно потрясающе оригинальный прием. Пожалуй, вам захочется рассмотреть вопрос о включении этой информации в «B»9, дабы показать читателю, что вам, как минимум, известно, насколько подобный метакомментарий ныне дурацкий и устаревший и неспособен сам по себе ничего спасти — это может внушить доверие к вашим словам о том, что вы стараетесь сделать нечто более безотлагательное и реальное. Опять же, решать только вам. За вас никто думать не будет.

23

(по крайней мере я — да…)